

И. В. Башкова

СЛОВО «ЖЕНЩИНА» В ДИСКУРСЕ В. П. АСТАФЬЕВА

Рассматривается новая формирующаяся область науки о языке – семантическая лингвоперсонология, объектом изучения которой является семантический уровень языковой личности, в первую очередь – семантика слов и предложений. Развивается мысль о том, что анализ семантики слова – эффективный инструмент описания авторской картины мира. Анализируется семантика слова *женщина* в дискурсе В. П. Астафьева: в произведениях «Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду». Показывается, как в значении этого слова отражается мировидение писателя, его высокая оценка естественной жизни. Индивидуальные особенности авторской картины мира проявляются в прагматическом компоненте значения слова *женщина*, которое в произведениях В. П. Астафьева обладает положительными коннотациями, связанными с мужским взглядом на мир. Отношение к женщине становится критерием оценки персонажей-мужчин.

Ключевые слова: *семантика, семантическая лингвоперсонология, языковая личность, авторская картина мира, женщина, В. П. Астафьев.*

В настоящей статье излагаются результаты исследования того, как в семантике отдельного слова, употребленного конкретной русской языковой личностью в конкретных текстах, проявляются особенности ее картины мира. Рассматривается, как в значении слова *женщина* в произведениях: «Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду» – отразились особенности мировидения Виктора Петровича Астафьева.

В статье языковая личность понимается как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [1, с. 3].

К настоящему времени сложилось несколько направлений исследования языковой личности. Уже можно говорить об отдельных лингвистических школах, работающих в данной области, таких как московская, томская, барнаульская, кемеровская, волгоградская и саратовская. Библиографический список по проблемам изучения языковой личности в 2011 г. включал более 2 400 наименований (см.: [2]). Сейчас он, конечно же, увеличился.

Так как языковая личность – сложный феномен, то и методы ее изучения различны (см.: [3]). «Дальнейшая эффективная разработка проблематики, связанной с изучением языковой личности, возможна на основе интеграции разных областей знания, позволяющих наиболее полно описать данный многоаспектный феномен» [4, с. 29].

Одним из эффективных направлений в развитии лингвоперсонологии (науки о языковой личности) становится ее интеграция с семантикой. Данное направление можно обозначить как семантическая лингвоперсонология.

Ю. Н. Караулов предложил лексикографический, словоцентрический метод исследования языковой личности, он показал, что этот метод дает возможность рассмотрения всех уровней языковой личности писателя. «Словари языка выдающихся мастеров художественного слова составляют самостоятельную отрасль мировой и отечественной лексикографии, являясь одновременно и продуктом исследовательской деятельности лингвиста на пространстве „от текста к словарю“, и аналитическим инструментом изучения особенностей художественного дискурса на пространстве „от словаря к целостному, системному описанию языка писателя“. „Героем“ лексикографического представления языка писателя, естественно, оказывается отдельное слово» [5, с. 636].

Как отмечают представители «новомосковской школы концептуального анализа», «наличие общей для всех носителей языка картины мира не нарушает их свободу и возможность руководствоваться своей индивидуальной „картиной мира“» [6, с. 307].

Под авторской картиной мира в данной статье понимается система представлений о мире, отраженная в языке писателя. Авторская картина мира – это один из вариантов языковой картины мира.

В соответствии с антропоцентрической направленностью современной лингвистики мы рассматриваем, как представлен человек в картине мира В. П. Астафьева, через анализ семантики слов, обозначающих человека, поскольку они репрезентируют основные идеи языковой картины мира и главные смыслы авторской картины мира. «Антропоцентрическая лексика уникальна как по разнообразию и полноте представленных в ней *лексикографических* типов, так и по своей фундаментальности. Нет никаких других концептов, которые могли бы конкурировать с антропоцентрическими в этом отношении» [7, с. XI].

В языке есть много слов для обозначения человека. В Русском семантическом словаре в раздел «Названия лиц» вошло 15 000 единиц [8, с. 64]. Только в одном романе «Последний поклон» В. П. Астафьева насчитывается 1463 нарицательных существительных, обозначающих человека, 350 имен собственных и их вариантов, именующих персонажей, и 71 прецедентный антропоним. Существительные, относящиеся к лексико-семантическому полю «человек», после служебных слов и местоимений являются самыми частотными в художественном тексте.

В этой статье мы анализируем семантику слова *женщина*, которое в художественном дискурсе В. П. Астафьева входит в круг наиболее употребительных слов. Его частотность такова: «Последний поклон» – 124, «Царь-рыба» – 59, «Прокляты и убиты» – 82, «Пастух и пастушка» – 52, «Ода русскому огороду» – 15.

В толковых словарях русского языка значение слова *женщина* определяется следующим образом:

«1. Лицо, противоположное мужчине по полу... || Лицо женского пола как типическое воплощение женского начала... 2. Взрослая, в противоп. девочке... || Лицо женского пола, начавшее половую жизнь, в противоп. девушке... 3. Лицо женского пола легкого поведения, кокетка (фам.) <...>» [9].

«Лицо, противоположное по полу мужчине... || Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств... || Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке...» [10].

«1. Лицо, противоположное по полу мужчине... || Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т. п.) <...> 2. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке...» [11].

В художественном дискурсе В. П. Астафьева слово *женщина* употребляется в двух значениях:

1. Лицо, противоположное по полу мужчине:... *там на веялке работал редкостного усердия труженик Петька Мусиков да четыре женщины – две молодые, но уже смертельно усталые детные вдовы и две егозистые, недавно окончившие школу сибирские девки* [12, т. 10, с. 243]; *...от женщин в бане куда теснее, чем от мужчин!* [12, т. 8, с. 14].

2. Взрослая, в противоположность девочке: *Давно уж девушкой стала ягодница. Да что там девушкой? Женщиной, матерью* [12, т. 4, с. 394]; *Три дня и три бессонные ночи провел он в полной отключенности от мира, одолевая смерть, спасая человека – женщину или девчонку – не поймешь, истощала от голода, иссохла от телесного жара и болезни, сделалась что утка-хлопунец, вся жидкая, кожа на ней ошпарившаяся* [12, т. 6, с. 319].

Следовательно, когнитивный компонент значения слова *женщина* в произведениях В. П. Астафьева

совпадает с тем, как его определяют словари, за исключением третьего значения из словаря Д. Н. Ушакова (см.: [9]).

Наряду с когнитивным компонентом в первом значении слова *женщина* в словарях русского языка во всех рассмотренных толкованиях выделяется прагматический компонент: «лицо женского пола как типическое воплощение женского начала», «лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств». Часть этих качеств перечисляется в «Большом толковом словаре»: «изящество, нежность, доброта и т. п.» (см.: [10]), в других словарях эти качества не называются. В художественном дискурсе В. П. Астафьева прагматический компонент значения слова *женщина* тоже ярко проявляется.

Проведенный анализ показал, что в семантике этого слова отразилось мировидение писателя и именно прагматический компонент значения этого слова связан со структурой авторской картины мира. «Писатель, с одной стороны, выступает как один из носителей языка общенационального, отражающий в своих произведениях особенности национального менталитета и коллективного языкового сознания. С другой стороны, идиостиль автора воплощает индивидуальные черты его личности, его философии» [13, с. 35].

В авторской картине мира В. П. Астафьева большой ценностью обладает естественная жизнь: *Во мне, как и во всяком человеке, пережившем страшные времена, гнездилась, видать, тоска по первобытной, естественной жизни* [12, т. 5, с. 268], а ее высокий смысл определяется женщиной: *Лешика начинал постигать в ту минуту высокий смысл естественной жизни – весь он, этот смысл, состоит в ожидании таких вот встреч, есть в ней, в жизни, незыблемо-вечное, и все может сотворить только женщина. Счастье, добро – все, все на свете в ее жертвенности, в ее разумности, приветной нежности* [12, т. 10, с. 190].

С женщиной связано продление жизни в бесконечность, женщина создает жизнь: *И уразумел тогда мальчик: женщина есть всего сильнее на свете, сильнее даже всех докторов и фельдшеров. Те учатся по книжкам несколько зим, а она тысячи лет создает жизнь и исцеляет людей своею добротой* [12, т. 8, с. 46].

Женщина – это часть природы: *Но не зря сказывается: женщина – тварь божья, за нее и суд, и кара особые... <...> Природа, она, брат, тоже женского рода!* [12, т. 6, с. 194].

Женщина – это для мужчины источник, всеутоляющий жажду любви: *Он долго не мог найти объяснения влечению своему, и вдруг как удар! – тетушка! Вечная его мать, веноч с названием – жен-*

щина, она, она предстала ему во плоти и лике здесь, в сибирском глухом краю. Вечная по тетушке-матери тоска, любовь и нежность, ни с чем не соизмеримые, должны же были найти где-то свое воплощение, свой образ, свой источник, всеутоляющий жажду любви [12, т. 10, 251].

В художественном дискурсе В. П. Астафьева представлен мужской взгляд на мир и много внимания уделяется роли женщины в жизни мужчины. Женщина своим подвигом возносит мужчину: Вознесенный подвигом женщины на такую высоту, где творятся только святые дела, он с мучением отверг ее жертву [12, т. 8, с. 46].

Любящий мужчина принадлежит женщине: *Ничего нет. И не было. Есть только она*, женщина, которой он принадлежит весь до последней кровинки, до остатного вздоха, и *ничего уж с этим поделывать никто не сможет!* Это всего сильнее на свете! [12, т. 3, с. 82].

Влияние женщины на мужчину, сила ее воздействия, тяга мужчины к женщине необъяснимы. Женщина! *Так вот что такое женщина! Что же это она с ним сделала? Сорвала, словно лист с дерева, закружила, закружила и понесла, понесла над землею – нет в нем веса, нет под ним тверди...* [12, т. 3, с. 82]; *В глуби светящихся тоскливой тенью глаз настоялась глубокая печаль, и она, эта древняя печаль, вызывала необъяснимую тягу к женщине...* [12, т. 6, с. 300].

В свою очередь женщина не может существовать без мужчины: *Оставшись бобылкой, девочка не знала, как ей дальше жить, потому как без «тяти» никакой женщине существовать на земле невозможно* [12, т. 8, с. 43].

В произведениях В. П. Астафьева важнейшей характеристикой мужчины является его отношение к женщине. Так, один из самых несимпатичных персонажей Гога Герцев, антипод Акима из повести «Сон о белых горах», рассуждает о женщине следующим образом: *«Женщина есть женщина! И образованная, и начитанная, а все бабьи тяготы на уме – семья, квартирка, пеленки, главная собственность – муж!»* <...> *«Семья – моя грубая ошибка!» – осуждал себя Герцев* [12, т. 6, с. 329].

Эгоизм Герцева ярко представлен в следующей цитате из его дневника: *«Счастье мужчины: „Я хочу!“ Счастье женщины: „Он хочет!“» Ницше – куда герцевым без него!* [12, т. 6, с. 366].

В художественном дискурсе В. П. Астафьева, прежде всего в романе «Прокляты и убиты» и повести «Пастух и пастушка», особое значение уделяется началу интимных отношений мужчины и женщины и влиянию этого события на жизнь мужчины: *...у мужчины бывает только одна женщина, потом все остальные, и от того, какая она будет, первая, зависит вся последующая мужичья судьба, напол-*

ненность души его, свойства характера, отношение к миру, к другим людям, и прежде всего к другим женщинам, среди которых есть мать, подарившая ему жизнь, и женщина, давшая познать чувство бесконечности жизни, тайное, сладостное наслаждение ею [12, т. 10, с. 191].

В произведениях В. П. Астафьева близость мужчины и женщины представлена в высоком стилистическом ключе, в то же время отмечается, что большинство мужчин используют сниженную стилистику, рассказывая о данной сфере жизни: *Первоначально, пока не дошли парни до ручки, рассказывали они, у кого и как было в первый раз, некоторые успели жениться, но все, и женатики, и холостяки-удальцы, и вольные кавалеры, почему-то говорили о первой близости с женщиной как о поганом грехе, со срамной, непременно употребляя какое-нибудь скотско-грубое сравнение* [12, т. 10, с. 191].

Помимо душевных, психических свойств, необходимым женским качеством является внешняя красота: *Остается Платошка рядом с молодой женщиной, одетой в черное, – это его тетка, монашка, трудолюбивая, многотерпеливая женщина необыкновенной красоты. Красивей ее он никогда никого не встречал...* [12, т. 10, с. 83]; *Тетушка Елизавета – тоска, мать, сестра, женщина женщин, прекрасней, добрей, лучше ее не было и нет никого на свете* [12, т. 10, с. 86].

Отсутствие красоты показывается как недостаток женщины: *Анастасия Гавриловна была хорошим хирургом, но как женщина не удалась – малопривлекательная, простолицая, незатейливо, хотя и добросовестно состроенная, она лучше смотрелась бы формовщицей в литейном цехе или трактористкой, шофером среди мужичья, на фронте связисткой или прачкой* [12, т. 10, с. 627].

Приведенные выше фрагменты текстов показывают, что в художественном дискурсе В. П. Астафьева в значение слова *женщина* входит прагматический компонент 'лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств, таких как жертвенность, разумность, нежность, доброта, красота, притягательность для мужчины, то, что дает мужчине познать чувство бесконечности жизни, тайное, сладостное наслаждение ею'.

Если же женщина не обладает данными качествами, то слово *женщина* не подходит для ее наименования, поскольку возникает противоречие между когнитивным и прагматическим компонентами значения слова: – *Привязать этого героя к койке! Сделать укол! – громко, чтобы слышно было раненым в других палатках, объявила старшая сестра.*

«Господи! Это – женщина?!» – чувствуя, как опадает гнев, опустошенно спрашивал себя Борис [12, т. 3, с. 131].

Главным же женским качеством является ‘способность создавать жизнь, дарить ее своим детям’: *Спит у костерка мать, улыбается чему-то. Снова и снова дивуется парнишка тому, что эта вот женщина или девчонка в мокрых бродешках, в заправленных за голенища мужских брюках, поверх которых платьишко, увоженное чешуей и рыбьими потрохами, взяла вот и произвела его на свет, дурня такого! Подарила ему братьев и сестер, тундру и реку, тихо уходящую в беспредельность полуночного края, чистое небо, солнце, ласкающее лицо прощальным теплом, цветок, протыкающий землю веснами, звуки ветра, белизну снега, табуны птиц, рыбу, ягоды, кусты, Боганиду и все, что есть вокруг, все-все подарила она! Удивительно до потрясения! Надо любить мать, жалеть ее и, когда она сделается старенькая, не бросать, отблагодарить добром за так вот просто подаренную жизнь...* [12, т. 6, с. 252].

«Материнство является одной из аксиологических доминант творчества В. Астафьева, и в этом писатель, с одной стороны, продолжает традицию, уже давно сформированную русской культурой, а с другой – выражает собственное восприятие мира, выкованное его насыщенной событиями жизнью» [14, с. 7].

Представление о женщине как о матери в авторской картине мира Астафьева соответствует внутренней форме слова *женщина*. «Данные этимологических исследований доказывают, что в основании внутренних форм основных вербализаторов концептов „мужчина“ и „женщина“ лежат гендерные стереотипы... <...> ...Общеславянский корень *žen- (жен-), обозначающий лицо женского пола детородного возраста, восходит к и.-е. *gēn-, глубинная семантика которого связана с идеей рода и его продолжения: лат. *genus* – ‘просхождение’, ‘род’; греч. *γυνή* – ‘жена’, *γυνήα* – ‘рождение’; ‘род’. При этом затемнение внутренней формы в современном языке не сви-

детельствует о ее забвении: этимологическое значение, даже утраченное сознанием носителя языка, продолжает играть роль направляющего фактора развития семантики лексической единицы» [15, с. 13–14].

В то же время необходимо отметить, что, хотя слово *женщина* является гиперонимом для слова *мать*, прагматические компоненты значений этих лексем не совпадают, поэтому становятся возможными такие контексты, в которых значения этих слов разводятся: *...он мало знал женщин, подолгу с ними не общался, не жил, а мать, судя по его разговорам и воспоминаниям, он так и не привык считать женщиной, мать есть мать – все тут* [12, т. 6, с. 351].

Таким образом, высокая оценка естественной жизни в художественном дискурсе В. П. Астафьева отразилась в семантике и синтагматике слова *женщина*. Прагматический компонент его значения содержит положительные коннотации: ‘лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств, таких как жертвенность, разумность, нежность, доброта, красота, притягательность для мужчины, способность создавать жизнь, дарить ее своим детям’.

Лингвистический семантический анализ позволяет увидеть, как взаимодействуют разные смыслы в авторской картине мира. Системное семантическое исследование слова в текстах, созданных языковой личностью, – эффективный инструмент для рассмотрения мировидения писателя. Так как языковая личность – сложный многоуровневый объект изучения, и все уровни одинаково важны, направления этого изучения могут быть различными. Семантическая лингвоперсонология исследует семантический уровень языковой личности и ставит своей целью рассмотрение авторской картины мира через семантику языковых единиц, прежде всего слов и предложений, входящих в тексты языковой личности.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
2. Башкова И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. 411 с.
3. Иванцова Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2008. № 3. С. 27–43.
4. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: соотношение понятий идиостиль и лингвокультурный типаж // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2014. Вып. 2 (143). С. 27–31.
5. Караулов Ю. Н. От словаря языка писателя к познанию его мира // Язык как материя смысла / отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007. С. 636–649.
6. Шмелев А. Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки слав. к-ры, 2012. С. 306–313.
7. Апресян Ю. Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки слав. к-ры, 2003. С. VIII–XI.

8. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. 807 с.
9. Толковый словарь русского языка: в 4 томах / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 1: А–К. 844 с.
10. Словарь русского языка: в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. URL: <http://slovari.ru/dictsearch> (дата обращения: 7.05.2014).
11. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (дата обращения: 7.05.2014).
12. Астафьев В. П. Собрание сочинений: 15 т. Красноярск: Офсет, 1997.
13. Мишанкина Н. А., Орлова О. В. К вопросу о метафоре звучания в поэзии И. Бродского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 1 (38). С. 34–37.
14. Шлома Е. С. Материнское начало в прозе В. П. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 33 с.
15. Ефремов В. А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина» – «женщина»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 40 с.

Башкова И. В., кандидат филологических наук, доцент.

Сибирский федеральный университет.

Пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041.

E-mail: bbashkova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 02.09.2014.

I. V. Bashkova

THE WORD “WOMAN” IN V. P. ASTAFIEV’S DISCOURS

The article is devoted to a new science of language that is semantic lingvopersonology. Its object is to study the semantic level of language personality that primarily includes semantics of words and sentences. The author of the article comes to the idea that the analysis of semantics of the word is an effective tool for describing the author’s worldview. The author also analyzes the semantics of the word “woman”, shows how the value of this word is associated with the writer’s concept sphere, with high appreciation of the natural life. In V. P. Astafiev’s discours the attitude towards women is the criterion of the rating of men. The study is carried out on the material of the key works by V. P. Astafiev: “The Last Tribute”, “Czar Fish”, “The Cursed and the Slain”, “Shepherd and His Wife”, “Ode to Russian Vegetable Garden”.

Key words: *semantics, semantic lingvopersonology, language personality, author’s world view, woman, V. P. Astafiev.*

References

1. Karaulov Yu. N. *Russian language and language personality*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 261 p. (in Russian).
2. Bashkova I. V. *The study of language personality in contemporary Russian linguistics*. Krasnoyarsk, 2011. 411 p. (in Russian).
3. Ivantsova E. V. The problems of formation of the methodological foundations of the lingvopersonology. *Tomsk State University Bulletin, Philology*, 2008, no 3, pp. 27–43 (in Russian).
4. Bolotnova N. S. Communicative stylistics of the text: correlation of the notions idiostyle and linguo-cultural character. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 2 (143), pp. 27–31 (in Russian).
5. Karaulov Yu. N. From the dictionary of the language of the writer to the knowledge of his world. *Language as a matter of meaning*. Ed. M. V. Lyapon. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. Pp. 636–649 (in Russian).
6. Shmelyov A. D. “The language picture of the world” and “the picture of the world of the text”. *The constants and the variables of the Russian language picture of the world*. Moscow, Yaziki slavyanskikh kul’tur Publ., 2012, pp. 306–313 (in Russian).
7. Apresyan Yu. D. Introduction. *New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms*, 2-nd edition. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur Publ., 2003, pp. VIII–XI (in Russian).
8. *Russian Semantic Dictionare*. Ed. by N. Yu. Shvedova. Vol. I. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 807 p. (in Russian).
9. *Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Ed. by D. N. Ushakov. Vol. 1. Moscow, Russkie slovari Publ., 1994. 844 p. (in Russian).
10. *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Ed. by A. P. Evgenyeva. Moscow, Russkiy yazik Publ., 1981–1984. URL: <http://slovari.ru/dictsearch> (Accessed: 7 May 2014) (in Russian).
11. *Big explanatory dictionary of the Russian language*. Ed. S. A. Kuznetsov. URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (Accessed: 7 May 2014) (in Russian).
12. Astafiev V. P. *Collected works: in 15 volumes*. Krasnoyarsk, Ofset Publ., 1997 (in Russian).
13. Mishankina N. A., Orlova O. V. To the question about the metaphor of sound in I. Brodskiy poetry. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2004, no. 1 (38), pp. 34–37 (in Russian).

14. Shloma E. S. *The motherly component in V. P. Astafiev's prose*. Abstract of tesis candidate of philol. sci. Moscow, 2012. 33 p. (in Russian).
15. Efremov V. A. *Dynamics of the Russian language picture of the world: verbalization of the conceptual space "Man" – "Woman"*. Abstract of thesis doct. philol. sci. St. Petersburg., 2010. 40 p. (in Russian).

Siberian Federal University.

Svobodny prospect, 79, Krasnoyarsk, Russia, 660041.

E-mail: bbashkova@mail.ru